

© Егорова Е.М.
Egorova E.

МЕНТАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ В ЭКСПЕРТИЗЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ СИТУАЦИЙ

MENTAL MODELS IN THE EXPERTISE OF FOREIGN POLICY SITUATIONS

Аннотация. Статья посвящена ментальным моделям, лежащим в основе принятия внешнеполитических решений. Ментальные модели экспертов и политических лидеров являются субъективными когнитивными картинками ситуации, требующей решения. Ментальные модели международных конфликтов могут быть в ряде случаев дефектными и привести к драматическим ошибкам в планировании и осуществлении внешнеполитической деятельности и военных операций. Трансляция ментальных моделей экспертов и советников главе государства создает у него новое видение внешнеполитической ситуации. Этот процесс должен быть внимательно изучен, прежде всего, политическими лидерами, чтобы они были способны к рефлексии как консультирования, так принятия внешнеполитических решений.

Annotation. This article is devoted to the mental models, revealing the nature of the foreign policy decision-making process. Mental models of experts and political leaders are subjective cognitive representations of the situation which needs a decision. Mental models of the international conflicts sometimes may be defective and lead to the dramatic mistakes in planning and implementing the foreign policy and military operations. The process of translation of expert's mental models to the head of state creates a new vision of the foreign policy situation. This process should be attentively studied by political leaders in order to understand the consulting process as well as the foreign policy decision-making

Ключевые слова. Глава государства, ментальные модели, консультирование, международный конфликт, принятие внешнеполитических решений, эксперт.

Key words. Head of State, mental models, consulting, international conflict, foreign policy decision-making, expert.

Глава государства принимает внешнеполитическое решение, руководствуясь внутренней картиной ситуации. Она формируется под воздействием ряда важнейших факторов: его личного опыта, убеждений, ценностей и установок, подхода к поиску информации, особенностей умозаключения, взаимодействия с экспертами, влияния позиции авторитетных лиц в его окружении и групп интересов, истории взаимодействия с другой страной или ее лидером и т.д. У каждого лидера эти факторы работают как калейдоскоп, складывая по частям индивидуальную ментальную модель внешнеполитической ситуации.

Ментальная модель является личной, в известной степени упрощенной внутренней репрезентацией внешнеполитической реальности. Она необходима для взаимодействия с внешним миром, значительно более слож-

ным и неопределенным. На основе ментальных моделей политические лидеры принимают решения и осуществляют свое поведение в отношении других участников международного процесса. Для усиления эффективности принятия внешнеполитических решений необходимо понимание функционирования ментальных моделей как у политических лидеров, так и у экспертов, оказывающих непосредственное влияние на мышление главы государства.

Ментальные модели внешнеполитических ситуаций

Понятие ментальной модели как когнитивной репрезентации внешней реальности было введено шотландским психологом К. Крэйком в 1943 г. Он предположил, что люди в уме выстраивают маломасштабную модель устройства мира вокруг них. Эти модели использу-

Егорова Елизавета Михайловна – аспирантка, Институт мировой экономики и международных отношений РАН, тел. (985)784-92-77.

Egorova Elizaveta – postgraduate, Institute of world economy and international relations RAS, tel. (985)784-92-77.

ются для прогнозирования событий, понимания их причин и объяснения. Через 40 лет психолог Ф. Джонсон-Лэрд развил идею Крэйка в своих исследованиях умозаключений [1,2].

В данной работе мы даем следующее определение ментальной модели внешнеполитической ситуации: ментальная модель есть внутренняя субъективная когнитивная картина ситуации - сложное по составу системное образование, сформированное в когнитивной сфере индивида, состоящее из таких элементов, как образы восприятия и памяти, внешнеполитические убеждения, установки, ценности, представления, внешнеполитические и этнические стереотипы, архетипы, верования, гипотезы, знания и опыт и др. Содержание и уровень детализации ментальных моделей индивидуальны.

В ходе многочисленных исследований ментальных моделей был выявлен ряд их важных свойств. Существует зависимость ментальных моделей от ситуации принятия внешнеполитического решения, ее сложности, определенности, уровня ответственности, а также от уровня экспертных знаний. Чем этот уровень выше, тем сложнее и полнее ментальная модель внешнеполитической ситуации, требующей принятия решения. Ментальные модели эксперта и главы государства взаимодействуют в процессе коммуникации. Это приводит к формированию новых когнитивных структур у политического лидера [3].

Ментальные модели являются системными образованиями, не сводящимися к сумме элементов, но в которых отдельные элементы находятся во взаимосвязи и взаимовлиянии. Они могут иметь разнообразные формы, в том числе представлять собой сеть репрезентаций. Этот вывод, сделанный в ряде исследований, очень значим для понимания ментальных моделей международных конфликтов, представляющих собой разветвленную структуру [4,5].

В зависимости от уровня знаний и опыта ментальные модели экспертов и политических лидеров формируются с различным уровнем полноты, абстракции, детализации, адекватности реальности, открытости (подверженности включению отдельных частей и полностью ментальных моделей других людей), гибкости (способности трансформироваться). Ментальные модели конструируются из набора взаимосвязанных знаний как общего характера, так и специальных.

Ментальные модели не всегда являются точными и аккуратными репрезентациями внешнеполитической ситуации. Они могут быть в той или иной степени искаженными, содержать элементы ошибочного восприятия, быть неполными, непоследовательными и противоречи-

выми. Поэтому, анализируя чьи-то ментальные модели, нужно учитывать и этот момент [6].

Ментальные модели могут изменяться в зависимости от контекста и ситуации, в которой используются, они обладают динамикой для адаптации к постоянно меняющимся обстоятельствам и для развития со временем в процессе обучения. Как у экспертов, так и политических лидеров накапливаются опыт и знания, что приводит к трансформации их ментальных моделей внешнеполитической ситуации.

Политический лидер способен прогнозировать различные возможные сценарии развития ситуации еще до того, как они происходят. Динамика ситуации, отражается в ментальной модели таким же образом, как она будет происходить в реальности. Динамичность модели напрямую связана со способностью прогнозирования путем умозаключения, относительно причинно-следственных отношений элементов внешнеполитической ситуации [7,8].

Ментальные модели внешнеполитических и военных экспертов значительно отличаются от ментальных моделей людей, не имеющих опыта и знаний в этих областях. Этот вывод был сделан в целом ряде серьезных исследований и особенно важен для тех, кто, оказавшись на посту главы государства без должного опыта и знаний, вынужден принимать важнейшие для страны и мира внешнеполитические решения [9,10,11,12].

У военных экспертов по сравнению с военными специалистами с малым опытом ментальные модели более гибкие, что отражается на качестве и скорости решений. 78% критически важных фактов выявленных экспертами, были упущены «новичками». Упущенные факты касались информации о времени, о действиях противника, изменении границ, сложности ландшафта, инженерных возможностей и логистических схем [13]. Во время международных конфликтов, эксперты помогают политическому лидеру принимать решение о планировании военной операции, участвуют в выработке и оценке альтернатив действия. Понимание ментальных моделей ситуации у этих экспертов и то, как эти модели «работают», важно как политическому лидеру, так и военному руководству. Г. Закариас и его коллеги пишут: «Поскольку многочисленные эксперты с различными, возможно конфликтующими целями и видением должны взаимодействовать в претворении плана сражения, важно, чтобы общее понимание ситуации и внутренние модели экспертов были проанализированы» [14].

Важнейшим свойством ментальных моделей является то, что в процессе коммуникации с другими лица-

ми человек способен усвоить опыт, который он в реальности не пережил и самому передать часть своего опыта другим. Это означает, что во время коммуникации с экспертами и советниками глава государства изменяет собственную ментальную модель внешнеполитической ситуации, а эксперты и советники передают ему свои ментальные модели в пользование. То есть происходит процесс трансляции ментальной модели и встраивания ее в ментальную модель другого человека, что приводит к формированию принципиально новой системы представлений – новой ментальной модели.

Ментальные модели обладают структурным подобием репрезентируемой внешнеполитической ситуации или объекта. Изменение структуры ситуации изменяет структуру ментальной модели. Таким образом, ментальная модель – не изоморфна внешнеполитической ситуации, она изоморфна ее структуре и содержит воспринятые отношения между ее элементами. Поэтому каждому элементу внешнеполитической ситуации соответствует только один элемент в ментальной модели. Отношения элементов в модели соответствуют отношениям элементов реальной внешнеполитической ситуации и имеют ту же логику.

Ф. Джонсон-Лэрд разработал типологию ментальных моделей, в которой есть два основных типа: «концептуальные» модели – репрезентирующие абстрактные ситуации и «физические» – репрезентирующие физический мир [15]. Применимо к внешней политике оба типа моделей играют свою роль в принятии решения. Так, например, модель конкретного международного конфликта с осознанием целей, ресурсов, союзников и противников сторон является скорее «физической», в то время как модель международного конфликта как явления во внешней политике в целом является в большей степени «концептуальной».

Ментальные модели могут быть индивидуальными и коллективными, разделенными рядом людей. Примером коллективной ментальной модели может быть модель, которая представляется в виде коллективного знания среди группы экспертов и советников главы государства. Часто знание развивается через разделенный опыт. Этот опыт впоследствии интегрируется в обобщенное понимание и смысл, которые люди используют для восприятия и отношения к миру вокруг себя [16]. Коллективные ментальные модели подготавливают почву для принятия внешнеполитического решения: «эффективное функционирование команды требует наличие разделенной ментальной модели среди участников команды» [17].

Ментальные модели внешнеполитической ситуации формируются, в том числе через «мышление по

аналогии». Согласно исследованиям, когда человек старается понять незнакомую ситуацию, он имеет тенденцию обращаться к уже знакомой, которую рассматривает как схожую [18]. Хорошо известно решение президента Дж. Буша-старшего о начале войны в Персидском заливе в 1991 г., когда он неоднократно сравнивал Саддама Хусейна с Гитлером, а невмешательство в ситуацию с оккупацией Ираком Кувейта с Мюнхенским соглашением. Таким образом, часть элементов и их отношений из одной ментальной модели переносятся политическим лидером в другую собственную ментальную модель. Мышление с помощью аналогий позволяет людям «создавать новые ментальные модели, которые они могут затем использовать для прогнозирования того, что может случиться в различных ситуациях в реальном мире» [19]. Часто формирование ментальных моделей по аналогии приводит к ошибочным решениям.

Ментальные модели осуществляют ряд важных функций в процессе принятия внешнеполитических решений. Когда политический лидер сталкивается с новой, неожиданной ситуацией, а международные конфликты часто бывают таковыми, принципиально важным является момент осознания ситуации [20,21,22]. Выступая в роли фильтров, ментальные модели способствуют «вычеркиванию», то есть игнорированию части информации и формируют представления на основе оставшейся. Это способствует поддержанию уже существующих ментальных моделей. Для снятия неопределенности ситуации и неясности ментальные модели иногда позволяют конструировать картины несуществующего. Этот процесс мы часто называем «домысливанием».

Ментальные модели могут исказить картину ситуации за счет неправомерного преувеличения или преуменьшения различных деталей и нюансов. Они могут привести к ложным индуктивным выводам благодаря обобщению единичного опыта [23]. Зачастую своевременному осознанию ситуации препятствуют различного рода «предвзятости». Г. Закариас и его коллеги указывают на «предвзятость» при выборе решения в результате чрезмерной ориентации на достижение успеха. В этом случае происходит переоценка собственных планов и сил и недооценка сил другой стороны [24,25]. Кроме того, если изначально, какая-то альтернатива априори кажется наиболее привлекательной, то она выбирается без должного анализа и затем ищутся доказательства, подкрепляющие этот выбор. Все опровергающие факты и советы экспертов игнорируются. Сторонники теории «подтверждения предвзятости» Дж. Клэйман и Й. Хэ предполагает, что люди ищут информацию, соответствующую их ны-

нешнему пониманию мира. Входящая информация может либо укрепить ментальную модель или быть отвергнутой [26].

В начальной стадии принятия внешнеполитического решения глава государства создает предварительную ментальную модель ситуации. Она формируется в ходе соединения отдельных элементов информации в более полную когнитивную картину. В этом когнитивном процессе происходит увязывание новой информации с прежней, хранящейся в долговременной памяти. Эта когнитивная картина ситуации проверяется на полноту. Если политический лидер посчитает ее недостаточно полной, он может начать новый информационный поиск, обратиться к эксперту [27].

В этом случае предварительная ментальная модель становится фильтром для восприятия экспертных оценок и советов, поскольку отражает политические убеждения и ценности лидера. В случае совпадения ценностей и убеждений в ментальной модели лидера и в совете эксперта есть большая вероятность, что он будет принят. Так, политический лидер, убежденный в действенности применения военной силы в международном конфликте, скорее примет совет о начале военных действий, нежели дипломатических переговоров с целью урегулирования.

Полнота ментальной модели является важным условием для влияния экспертов и советников на выбор решения политическим лидером. В случае острого дефицита экспертных знаний при наличии внешнеполитической ситуации, имеющей стратегическое значение, глава государства скорее прибегнет к совету со стороны экспертов. Если же он имеет большой внешнеполитический опыт и соответствующие знания, то его ментальная модель может быть и так достаточно полной и тогда влияние экспертов и советников может иметь ограниченный характер. По словам Б. Стрэтмана, «чем больше знаний и опыта, тем больше сопротивляемость аргументам» [28]. Предварительная модель обычно очень влиятельна и определяет внешнеполитический выбор в большей степени, чем тщательное и осторожное взвешивание альтернатив.

Ментальные модели трансформируются с течением жизни, приобретением опыта, под влиянием других людей. С этой точки зрения взаимодействие политического лидера с его экспертами в ходе анализа и принятия решения является как условием, так и механизмом трансформации ментальной модели внешнеполитической ситуации. В своей книге «Системное решение» Ю. Лапыгин пишет: «Ментальные модели ...формируются под воздействием идей наших воспитателей, тренеров (коучей), социальной культуры и общественных нравов...» [29]. Вне-

сение в ментальную модель главы государства элементов ментальных моделей экспертов, способно трансформировать его личную модель и привести к обучению лидера. Однако вовсе не каждое взаимодействие приводит к подобной трансформации.

В ходе коммуникации главы государства с экспертами ему сообщают набор аргументов с целью построения у него новой ментальной модели. По словам российского ученого В. Сергеева: «Основной смысл аргумента состоит в том, что он призван изменить внутреннюю модель ситуации у субъекта, к которому аргумент обращен». «Если аргумент рассматривать как способ изменения модели мира адресата, влияющий на процесс принятия им решения, то формирование ментальной модели, являющейся результатом аргументации, т.е. коммуникации аргументативного текста в целом, потенциально отражает процесс принятия решения адресатом» [30]. Однако глава государства может не воспринять аргументы другой стороны, используя собственную модель как фильтр для входящей информации. Так происходит в случае недоверия к источнику информации или при жестком несовпадении аргумента и существующей позиции политического лидера, несовпадении информации ожиданиям.

Эксперты и советники влияют на политических лидеров, помогая им конструировать ментальные модели. Однако процесс убеждения с помощью аргументов имеет определенные ограничения. Политическому лидеру нужна полная и согласованная ментальная модель внешнеполитической ситуации, однако без информационных излишеств, которые снижают эффективность его когнитивных процессов. В случае переизбытка информации он прибегает к упрощению [31,32,33,34]. В процессе принятия внешнеполитических решений лидеры нуждаются в уменьшении неопределенности ситуации. Советники и эксперты, умеющие рассеять неопределенность и неясность картины, часто оказывают большое влияние на окончательный выбор политического курса. Успешные экспертиза и консультирование – это во многом процесс минимизации неопределенности [35].

Исследования роли ментальных моделей в конкретных международных конфликтах

В последние годы проведен целый ряд исследований ментальных моделей в связи с конкретными международными конфликтами. В них анализу подвергались, как правило, «дефектные» ментальные модели, негативно повлиявшие на принятия внешнеполитических и военных решений или препятствующие процессу мирного урегулирования конфликтов.

Дж. Ховард, британский военный исследователь, сотрудничая со Школой высших военных исследований Колледжа командования армией и Генерального штаба США, в 2004 г. выпустил книгу «Готовясь к войне, спотыкаясь о мир: планирование послевоенных операций в Ираке». Эта работа представляет собой глубокий анализ дефектных ментальных моделей высшего гражданского и военного руководства США, которые привели к ошибкам при планировании численности войск и функций коалиции в послевоенной фазе операции «Свобода Ирака» [36]. В результате этой ошибки войска коалиции оказались не подготовленными к подавлению сил сопротивления, действия которых оказались не спрогнозированными. В исследовании установлены несколько важных причин ошибочного планирования: дефектные ментальные модели, групповое мышление, игнорирование политическими и военными лидерами США мнения экспертов из других ведомств, а также экспертов с другой точкой зрения во время планирования послевоенной фазы операции.

Экспертами Дж. Ховард считает представителей официальных, уважаемых и надежных think-tanks, академических ученых и специалистов из правительственных ведомств. С его точки зрения, дефектные ментальные модели высшего руководства проявились при выполнении трех важнейших задач во время планирования: прогнозирования событий в послевоенный период; организации сотрудничества всех ведомств, необходимых для всесторонней проработки решения; подготовки самого плана. Все явления, с которыми столкнулись США после падения режима Саддама Хусейна и партии БААС, были предсказуемыми при условии взаимодействия с авторитетными экспертами, а также тщательной проверки первичных гипотез.

20 марта 2003 г. войска США и коалиции начали операцию «Свобода Ирака». Британский исследователь указывает, что ее цель – устранить угрозу международной безопасности со стороны режима Саддама Хусейна и помочь иракскому народу создать демократическое представительное правительство, которое бы проводило добрососедскую политику. 2 мая 2003 г. президент Буш объявил о завершении военных операций. Однако после этого войска коалиции в течение долгих лет оказались вынужденными воевать с повстанцами. В ходе этих боев возникло много жертв, как со стороны войск коалиции, так и гражданского населения Ирака.

Лица, осуществляющие планирование, располагали достаточной информацией и компетентными экспертами как правительственными, так и со стороны. Основная объективная проблема, с которой споткнулись пла-

нировщики, состояла в том, что операция «Свобода Ирака» являлась сочетанием конфликта высокой интенсивности и полной реконструкции государственной системы. При этом особый упор делался на гуманитарных функциях оккупационных войск. Планирование такой сложной задачи требует обязательного взаимодействия планировщиков с квалифицированными экспертами из различных правительственных ведомств, прежде всего Министерства обороны, Государственного департамента, ЦРУ, разведки Министерства обороны, экспертного сообщества за пределами правительства. Это сотрудничество могло бы способствовать успешному прогнозированию сценариев развития событий после падения режима Саддама Хусейна. В реальности такого сотрудничества просто не было [37].

Руководство Министерства обороны полагало, что лучше всех знакомо с ситуацией, обладает необходимой информацией и не испытывает потребности во взаимодействии с экспертами со стороны, включая другие правительственные органы. Оно игнорировало рекомендации со стороны Государственного департамента, озабоченного послевоенной ситуацией в Ираке.

В специально инициированном Государственным департаментом детализированном исследовательском проекте «Будущее иракского проекта» в апреле 2002 г., в котором участвовали более 200 экспертов из различных иракских социальных, религиозных и политических групп, были изучены возможные сценарии будущих событий в Ираке. Как сам доклад, так и рекомендации, не были приняты во внимание ни президентом Бушем, ни руководством Министерства обороны. Однако не только гражданские эксперты из Государственного департамента игнорировались при планировании. Объединенный комитет начальников штабов также не участвовал в планировании операции. Без этих экспертов численность необходимых для послевоенной фазы операции была рассчитана неверно [38,39].

Э. Коэн и Дж. Гууч определяют провал в прогнозировании как неспособность действовать адекватно в отношении противника и прогнозировать его вероятную реакцию на ваши шаги [40]. Дж. Ховард считает, что «чтобы понять, как основные лидеры видели послевоенный Ирак во время фазы планирования, полезно оценить их ментальные модели». Он подчеркивает сложность такой оценки: «Мы обычно не осознаем наши ментальные модели и степень, в которой они влияют на наше поведение. Невозможно осмыслить чье-то понимание ситуации без первичного исследования его ментальной модели» [41].

В исследовании анализируются конкретные мен-

тальные модели у высшего гражданского и военного руководства США в связи с этим конфликтом. Ментальная модель будущего Ирака у Буша: «безопасная, не представляющая угрозу и процветающая страна, где демократическое правительство, представляющее весь иракский народ, будет соблюдать права человека и закон и будет работать в тесном партнерстве с США и международными институтами, и помогать реализовывать лучшее будущее Ирака и его народа». Другая важная ментальная модель деятельности армии США у Буша – «Армия должна воевать и выигрывать, а не строить государство», – с точки зрения Дж. Ховарда является очень опасной. «Такая ментальная модель – парадоксальна. Без использования американских войск для построения государства после войны стратегические цели Буша были бы недостижимы» [42]. Ментальная модель Буша, в которой перед армией не стояло задачи строить государство, разделялась и министром обороны Д. Рамсфелдом. Эта модель помешала успешному прогнозированию событий в послевоенном Ираке в целом, и в частности, в расчете численности войск, необходимых для реконструкции государства после свержения режима Саддама Хусейна.

Третья ментальная модель реакции иракцев на коалиционные войска, согласно которой их будут встречать «со сладостями и цветами как освободителей», также является, по мнению британского специалиста, дефектной. Он отмечает, что целый ряд предупреждений со стороны авторитетных экспертов были отвергнуты. Президент Буш и его ближайшее окружение – Р. Чейни, Д. Рамсфелд, П. Волфовиц были предупреждены со стороны разведки и различных экспертов, что реакция иракцев на оккупационные войска будет негативной. Вице-президента Чейни предупреждали ЦРУ, военная разведка, эксперты из РЭНД корпорейшн [RAND corporation], Вашингтонский институт Ближнего Востока. Однако Р.Чейни был настолько уверен в положительной реакции населения и отсутствии сопротивления, что борьба с силами сопротивления оказалась не запланированной.

Эта ментальная модель демонстрирует как одна необоснованная и непроверенная гипотеза может повлиять на планирование и ввести в заблуждение, несмотря на существенный массив мнений экспертов, советующих совсем другую позицию. Такие действия лиц, принимавших решение, являются примером группового мышления, когда группа совершает несколько серьезных ошибок в процессе планирования и приходит к провалу. Исследователь ссылается на экспертное мнение аналитика, бывшего военного разведчика Р. Петерса, который объясняет такое заблуждение «групповым мышлением» [43,44].

Дж. Ховард обосновано указывает на то, что «полное стратегическое, оперативное и тактическое понимание любой ситуации невозможно. Через сотрудничество с экспертами планировщики могут минимизировать разрывы в своих знаниях. В интересах военных и страны, чьим интересам они служат, необходимо консультироваться с широким кругом экспертов и получить так много информации, как возможно» [45].

Планирование должно осуществляться совместными усилиями, включая экспертизу внутри и за пределами правительства. Необходим тщательный количественный и качественный подход к отбору экспертов. При планировании послевоенной фазы операции «Свобода Ирака» единственным главным экспертом Министерства обороны, к которому обращались, был А. Чалаби, покинувший Ирак в 1958 г., пользовавшийся доверием Р. Перла, Чейни, Рамсфелда, Волфовица. И, несмотря на предупреждения авторитетных организаций, Чалаби так и остался главным и единственным экспертом при планировании послевоенной фазы в Ираке.

Дж. Ховард подчеркивает, что качественное прогнозирование «требует готовности принять оценки, советы и открытия со стороны аутсайдеров даже тогда, когда они бросают вызов или значительно противоречат имеющимся убеждениям. Сотрудничество включает желание рассматривать такую информацию и принять факт, что у других может находиться ключ к успеху» [46]. Ментальные модели являются довольно устойчивыми образованиями, откуда вытекает их опасность при принятии решения, если они не проверяются и не обсуждаются с экспертами. П. Сенжи считает, что «укоренившиеся предположения или обобщения относительно того, как мир работает, могут привести нас к игнорированию других точек зрения. Единственный путь уменьшить негативное влияние ментальных моделей – через внимательное изучение ситуации внешними экспертами» [47]. В проведенном Дж. Ховардом исследовании убедительно показано, как «военные командиры и планировщики на всех уровнях позволили гражданским лидерам построить конструкцию из дефектных ментальных моделей, селективной информации и неоправданного оптимизма в отношении событий, за пределами которой те же командиры отказывались действовать и даже думать» [48].

Германский ученый и практик в области урегулирования международных конфликтов Н. Роперс в работе «Системная трансформация конфликта: размышления по поводу конфликта и мирного процесса в Шри Ланка» также обращается к ментальным моделям [49]. Н. Роперс рассматривает понятие «ментальная модель» как важный

фокус для системного анализа международных конфликтов. Он считает, что это понятие используется довольно широко и его необходимо сузить его для анализа убеждений, которые мотивируют участников конфликта предпочитать определенный курс действий.

Он приводит примеры ментальной модели участников конфликта в Шри Ланка: «мы должны защитить унитарный характер нашего государства потому, что иначе существует опасность раздела нашей страны» или «нам нужна значительная политическая автономия для нашего отечества, потому что иначе мы будем продолжать страдать от дискриминации как граждане второго сорта в своей стране». Н. Роперс видит необходимым в любом анализе конфликта принимать во внимание различные наборы ментальных моделей [50]. Он вводит понятие «глубины» ментальной модели, которое отражает степень согласованности и прочности связей отдельных элементов. Есть утверждения, основанные на фактах и отношениях, а есть утверждения, основанные на ценностях. И те, и другие входят в ментальные модели.

У каждой стороны конфликта есть своя «история», описывающая ее страдания из-за несправедливости и коварства оппонента и для них важно признание этих нарративов. Эти «истории» являются ментальными моделями, то есть реконструкциями исторического развития конфликта. «Все стороны создавали свои собственные истории или «ментальные модели» конфликта, так же как и варианты и возможности урегулирования конфликта. Эти нарративы и модели имели огромное влияние на способы коммуникации и взаимодействие сторон. Они часто начинали жить своей собственной жизнью и глубоко укоренялись в установках и поведении...» [51].

Н. Роперс указывает, что сам по себе анализ конфликта также является ментальной моделью эксперта, его подготовившего. И то, как подается конфликт любым из участников переговоров или принятия решения, должно быть проанализировано со всей тщательностью. Говоря о посредниках в переговорах, он подчеркивает, что «ключевой момент состоит в том, что третья сторона должна рефлексировать свои собственные аналитические «конструкции», свою роль в «системе конфликта» и найти пути интеграции различных ментальных моделей конфликта у всех сторон, включая собственную, в потенциальную «систему трансформации конфликта» [52].

Большой интерес представляет работа американского военного аналитика и практика П. Карри, руководившего операциями Штаба многонациональных сил в Кабуле в 2005 г: «Малые войны являются локальными: развенчание современных предположений относительно

но борьбы с малыми вооруженными группами» [53]. Он анализирует ментальные модели, используемые гражданским и военным руководством большинства западных стран, входящих в многонациональные силы. Он указывает, что некоторые дефектные представления в основе этих моделей непосредственно проявляются в боевых действиях. П.Карри убежден, что для эффективного выполнения миссии коалиции, старые и неадекватные представления должны быть заменены на новые. И уже на их основе должны быть построены стратегии, адекватные сегодняшней реальности.

С точки зрения П. Карри, сегодня действует устаревшая ментальная модель вооруженных групп сопротивления как повстанцев «маоистского» или «геваристского» толка, то есть «революционная модель». Он говорит, что «такие революционные модели приводят к ошибочному сведению конфликта к трем основным сторонам: 1) антиправительственные повстанцы; 2) правительство и 3) масса населения. В этой модели первые две стороны соревнуются за власть и контроль в стране». П. Карри считает, что это ограниченная и вредная ментальная модель. Окружающая поле битвы среда, гораздо сложнее» [55]. Он приводит ряд ошибочных убеждений, порождающих дефектные ментальные модели, а также современный и более адекватный сегодняшним реалиям вариант. С точки зрения П. Карри, убеждение: «правительство и антиправительственные силы конкурируют за лояльность местного населения» устарело и уже не адекватно реальности. Адекватным же сегодняшним реалиям является убеждение: «малые войны являются локальными».

Он критикует главное заблуждение западных стран считающих повстанцев относительно гомогенной группой с близкими политическими целями, также как и правительство единым по политическим целям. Нейтральность остального местного населения приравнивается к беспомощности и пассивности и считается, что безразличием людей может управлять любая из сторон.

П. Карри пишет, что «в революциях, инспирированных коммунистами, или антиколониальных ситуациях, эта модель имела какую-то полезность. Но сегодня она ограничена. Сегодня действуют различные группировки, возникает процесс «балканизации» бывших государств. Клан является фундаментальным элементом в сегодняшних развивающихся странах. И многие вооруженные группы связаны с различными внутренними кланами. Любое сближение целей – временное. Есть коалиции, которые распадаются, как только цель достигнута. Цели в группах варьируют от насущных до идеологических, культурных, религиозных, экономических и политиче-

ских. Вооруженные группы трудно отнести к определенной категории, тем более простым делением на два больших лагеря: повстанцев и антиповстанцев» [56]. В адекватной реальности модели, малые войны должны рассматриваться как локальные, поскольку политика локальна, а вооруженный конфликт происходит между людьми. Такая новая ментальная модель полезна для понимания природы малых войн и принятия адекватных решений при политическом и военном планировании.

Другой пример дефектной ментальной модели, основанной на ошибочном убеждении, что «война и мир взаимно исключаются, а эти войны могут быть выиграны». По мнению Карри, адекватная модель основана на убеждении, что «конфликт постоянен, а состояние войны и мира временные». Мир как прекращение враждебности редко заканчивает политический конфликт. И необходимо принять, что хаос и прогресс сосуществуют, когда боются вооруженные группы.

Политический конфликт продолжается до тех пор, пока одна сторона становится неспособной к вооруженной борьбе и готова продолжать воевать или потерять доверие. Полное уничтожение группы может положить конец конфликту. Но такое уничтожение обычно политически неприемлемо и в военном смысле практически невозможно.

В хорошей стратегии малой войны важно изменить установку, подтолкнуть оппонента к политическому процессу и подавить сопротивление непокорных элементов. Первичность политического процесса гарантирует, что насилие и переговоры будут существовать как естественный ход событий.

Литература

1. Craik, K. *The Nature of Explanation* // Cambridge: Cambridge University Press, UK, 1943.
2. Johnson-Laird, P.N. *Mental models: towards a cognitive science of language, inference and consciousness* // Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1983, p. 397.
3. Chi, M. T. H., Glaser, R., and Farr, M. J. *The nature of expertise* // Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1988.
4. Roschelle, J., and Greeno, J. G. *Mental models in expert physics reasoning (GK-2)* // University of California at Berkeley, 1987.
5. deKleer, J., and Brown, J. S. *Assumptions and ambiguities in mechanistic mental models* // In: *Mental models*. Ed. by Gentner, D. and Stevens, A. // Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1983.
6. Norman, D. *Some observations on mental models*. In: *Mental models*. Ed. by Gentner, D and Stevens, A. // Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1983.
7. Rutherford, A., and Wilson, J. R. *Models of mental models: an ergonomist-psychologist dialogue* // In: *Ergonomics major writings: psychological mechanisms and models in ergonomics*. Ed. by Moray, N // Taylor and Francis, London, UK, 2004, pp. 309-323.
8. Moray, N. *Models of models of...mental models* // In *Ergonomics: major writings*. Ed. by Moray, N // Taylor and Francis, London, UK. 2004, pp. 506-526.
9. Zacharias, G., Illgen, C., Asdigba, M., and Yara, J., Hudlicka. *Eva. VIEW: Visualization and Interactive Elicitation Workstation--A Tool for Representing the Commander's Mental Model of the Battlefield* // United States Army Research Institute for the Behavioral and Social Sciences. Fort Leavenworth Research Unit, 1996.
10. Chi, M. T. H., Glaser, R., and Farr, M. J. *The nature of expertise* // Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1988.
11. Gentner, D. and Stevens, A. *Mental models* // Ed. by Gentner, D. and Stevens, A. // Lawrence Erlbaum, Hillsdale, New Jersey, USA, pp.99-130, 1983.
12. Johnson-Laird, P. N., Byrne, R. M. J., and Schaeken, W. *Propositional reasoning by model* // *Psychological Review* Vol. 99, (31), 1992, pp. 418-439.
13. Fallesen, J. J., Carter, C F., Jr., Perkins, M. S., Michel, R. R., Flannagan, J. P., and McKeown, P. E. *The effects of procedural structure and computer*

Изучение роли ментальных моделей в конкретных международных конфликтах отражает ряд тенденций, характерных для современного состояния теории ментальных моделей:

- интерес к изучению конкретных ментальных моделей, обусловивших принятие внешнеполитических и военных решений в конкретных конфликтах;
- фокус на дефектных моделях, приведших к провалам внешней и военной политики;
- рассмотрение действия ментальных моделей в широком контексте: социальном, историческом, культурном, политическом.

Теория ментальных моделей в настоящее время представляет собой комплексный подход к изучению когнитивного фактора в принятии решения.

Ментальные модели рассматриваются как influential фактор в процессе принятия внешнеполитических и военных решений в международных конфликтах, способный значительно повлиять на качество решения. Взаимодействие политического лидера и эксперта является важнейшим процессом формирования и изменения ментальных моделей главы государства при подготовке и принятии внешнеполитических и военных решений в международном конфликте. Современная теория ментальных моделей признает наличие коллективных ментальных моделей, разделяемых группой или средой. Эти коллективные ментальные модели требуют особого внимания, если они разделяются группой принимающей решение или вырабатывающей экспертные оценки и рекомендации для главы государства.

- support upon selecting a tactical course of action (ARI Technical Report 960) // Alexandria, VA: U.S. Army Research Institute for the Behavioral and Social Sciences. (AD A257 254), 1992.
14. Zacharias, G., Illgen, C., Asdigba, M., and Yara, J., Hudlicka, Eva. VIEW: Visualization and Interactive Elicitation Workstation--A Tool for Representing the Commander's Mental Model of the Battlefield // United States Army Research Institute for the Behavioral and Social Sciences // Fort Leavenworth Research Unit, 1996, p. 2.
15. Поляк О.Е. Аргументация в свете теории ментальных моделей. // Web Journal of Formal, Computational and Cognitive Linguistics. - Казань, 1999, С.7. URL: // <http://fccl.ksu.ru/issue001/spring99/polyak4.pdf>.
16. Quinn, N. How to reconstruct schemas people share // In: Finding culture in talk: a collection of methods. Ed. by Quinn, N. // Palgrave Miller, New York, New York, USA, 2005, pp. 33-81.
17. Langan-Fox, J., Code, S. and Langfield-Smith, K. Team mental models: techniques, methods and analytic approaches // Human Factors Vol. 42, (2), 2000. pp.242-271.
18. Gentner, D., and Gentner, D. R. Flowing waters or teeming crowds: mental models of electricity // In: mental models. Ed. by Gentner, D. and Stevens, A. // Laurence Erlbaum, Hillsdale, New Jersey, USA, 1983, pp.99-130.
19. Collins, A., and Gentner, D. How people construct mental models // In: Cultural models in language and thought. Ed. by Holland, D. and Quinn, N. // Cambridge University Press, Cambridge, UK, 1987, p. 243.
20. Craik, K. The Nature of Explanation // Cambridge: Cambridge University Press, UK, 1943.
21. Endsley, M. R. Toward a theory of situation awareness in dynamic systems // Human Factors. Vol. 35, (11), 1995, pp. 32-45.
22. Adams, M. J., Tenney, Y. J. and Peur, R. W. Situation awareness and the cognitive management of complex systems // Human Factors, Vol. 37(1), 1995, pp. 85-104.
23. Strathman, BA. Who Advises? Power, Politics and Persuasion in Foreign Policy Decision-making. Dissertation // The Ohio State University, 2005.
24. Zacharias, G., Illgen, C., Asdigba, M., and Yara, J., Hudlicka, Eva. VIEW: Visualization and Interactive Elicitation Workstation--A Tool for Representing the Commander's Mental Model of the Battlefield // United States Army Research Institute for the Behavioral and Social Sciences // Fort Leavenworth Research Unit, 1996.
25. Lussier, J. W., Solick, R. E., and Keene, S. D. Experimental assessment of problem solving at the Combined Arms Services Staff School (ARI Research Note 92-52) // Alexandria, VA: U.S. Army Research Institute for the Behavioral and Social Sciences. (AD A253 386), 1992.
26. Klayman, J., and Ha, Y.-W. Hypothesis testing in rule discovery: strategy, structure and content // Journal of Experimental Psychology Vol. 51989, pp. 596-604.
27. Strathman, BA. Who Advises? Power, Politics and Persuasion in Foreign Policy Decision-making. Dissertation // The Ohio State University, 2005.
28. Strathman, BA. Who Advises? Power, Politics and Persuasion in Foreign Policy Decision-making. Dissertation // The Ohio State University, 2005, p.78.
29. Лапыгин Ю.Н. Системное решение проблем. – М.: ЭКСМО, 2008.
30. Цит. по Поляк О.Е. Аргументация в свете теории ментальных моделей. // Web Journal of Formal, Computational and Cognitive Linguistics/ – Казань, 1999, С. 9. URL: // <http://fccl.ksu.ru/issue001/spring99/polyak4.pdf>.
31. Поляк О.Е. Аргументация в свете теории ментальных моделей. // Web Journal of Formal, Computational and Cognitive Linguistics. – Казань, 1999. URL: // <http://fccl.ksu.ru/issue001/spring99/polyak4.pdf>.
32. Сергеев В.М. Когнитивные модели в исследовании мышления: структура и онтология знания. // Интеллектуальные процессы и их моделирование. – М.: Наука, 1987. – СС. 179-195.
33. Паришин П.Б., Сергеев В.М. «Об одном подходе к описанию средств изменения модели мира» // Ученые записки Тартуского государственного университета. - Вып. 688. - Принципиальные вопросы теории знаний. – Тарту: Тартуский государственный университет. - 1984. - С. 127-143.
34. Voss, J. F. On the Representation of Problems: An Information-Processing Approach to Foreign Policy Decision Making // In Problem Representation in Foreign Policy Decision Making. Ed. by Sylvan, D. A. and Voss, J. F. // Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
35. Strathman, BA. Who Advises? Power, Politics and Persuasion in Foreign Policy Decision-making. Dissertation // The Ohio State University, 2005.
36. Howard, J. R. Preparing for War, Stumbling to Peace: Planning for Post-conflict Operations in Iraq // School of Advanced Military Studies United States Army Command and General Staff College // Fort Leavenworth, Kansas, 2004.
37. Cordesman, A. Iraq: Too Uncertain to Call 14 November 2003 // Washington DC: Center for Strategic and International Studies, 2003, accessed 12 March 2004. URL: // <http://www.comu.org/warreport/fulltext/0311cordesman.pdf>.
38. Packer, G. War After the War: What Washington doesn't see in Iraq // The New Yorker, 24 November 2003. URL: // <http://byliner.com/articles/war-after-the-war>.
39. Howard, J. R. Preparing for War, Stumbling to Peace: Planning for Post-conflict Operations in Iraq // School of Advanced Military Studies United States Army Command and General Staff College // Fort Leavenworth, Kansas, 2004.
40. Cohen, E., and Gooch, J. Military Misfortunes: the Anatomy of Failure in War // New York: Macmillan, 1990.
41. Howard, J. R. Preparing for War, Stumbling to Peace: Planning for Post-conflict Operations in Iraq // School of Advanced Military Studies United States Army Command and General Staff College // Fort Leavenworth, Kansas, 2004, p.20.
42. Howard, J. R. Preparing for War, Stumbling to Peace: Planning for Post-conflict Operations in Iraq // School of Advanced Military Studies United States Army Command and General Staff College // Fort Leavenworth, Kansas, 2004, pp.20-21.
43. Howard, J. R. Preparing for War, Stumbling to Peace: Planning for Post-conflict Operations in Iraq // School of Advanced Military Studies United States Army Command and General Staff College // Fort Leavenworth, Kansas, 2004, p.25.
44. Peters, R. Why Intelligence Failed. New York Post, 30 January 2004, <http://buglerjohn.50megs.com/WHY%20INTELLIGENCE%20FAILED-RALPH%20PETERS.pdf>.
45. Howard, J. R. Preparing for War, Stumbling to Peace: Planning for Post-conflict Operations in Iraq // School of Advanced Military Studies United States Army Command and General Staff College // Fort Leavenworth, Kansas, 2004, p.30.

46. Howard, J. R. *Preparing for War, Stumbling to Peace: Planning for Post-conflict Operations in Iraq* // School of Advanced Military Studies United States Army Command and General Staff College // Fort Leavenworth, Kansas, 2004, p.34.
47. Senge, P. *The Fifth Discipline: the Art and Practice of the Learning Organization* // New York: Doubleday, 1990, p.43.
48. Howard, J. R. *Preparing for War, Stumbling to Peace: Planning for Post-conflict Operations in Iraq* // School of Advanced Military Studies United States Army Command and General Staff College // Fort Leavenworth, Kansas, 2004, pp.48-49.
49. Ropers, N. *Systemic Conflict Transformation: Reflections on the Conflict and Peace Process in Sri Lanka* // Research center for constructive conflict management. Berghof Research Center for Constructive Conflict Management // Berghof Handbook Dialogue No. 6 First launch July, 2008.
50. Ropers, N. *Systemic Conflict Transformation: Reflections on the Conflict and Peace Process in Sri Lanka* // Research center for constructive conflict management. Berghof Research Center for Constructive Conflict Management // Berghof Handbook Dialogue No. 6 First launch July, 2008, p.8.
51. Ropers, N. *Systemic Conflict Transformation: Reflections on the Conflict and Peace Process in Sri Lanka* // Research center for constructive conflict management. Berghof Research Center for Constructive Conflict Management // Berghof Handbook Dialogue No. 6 First launch July, 2008, p.17.
52. Ropers, N. *Systemic Conflict Transformation: Reflections on the Conflict and Peace Process in Sri Lanka* // Research center for constructive conflict management. Berghof Research Center for Constructive Conflict Management // Berghof Handbook Dialogue No. 6 First launch July, 2008, p.19.
53. Curry, P. *Small Wars Are Local: Debunking Current Assumptions about Countering Small Armed Groups* // In: *Armed Groups: Studies in National Security, Counterterrorism, and Counterinsurgency*. Ed. By Jeffrey H. Norwitz // Naval War College Press (US), 2008, pp.149-159.
54. Curry, P. *Small Wars Are Local: Debunking Current Assumptions about Countering Small Armed Groups* // In: *Armed Groups: Studies in National Security, Counterterrorism, and Counterinsurgency*. Ed. By Jeffrey H. Norwitz // Naval War College Press (US), 2008, p.149-150.
55. Curry, P. *Small Wars Are Local: Debunking Current Assumptions about Countering Small Armed Groups* // In: *Armed Groups: Studies in National Security, Counterterrorism, and Counterinsurgency*. Ed. By Jeffrey H. Norwitz // Naval War College Press (US), 2008, p.150.
56. Curry, P. *Small Wars Are Local: Debunking Current Assumptions about Countering Small Armed Groups* // In: *Armed Groups: Studies in National Security, Counterterrorism, and Counterinsurgency*. Ed. By Jeffrey H. Norwitz // Naval War College Press (US), 2008, p.151.

Материал поступил в редакцию 8. 04. 2012 г.